

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-11-28

УДК 17.023.4; 316.42

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Розин Вадим Маркович,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник Института философии РАН,

Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Аннотация

В статье ставится вопрос о связи социального изучения и социального действия. Отмечается, что в настоящее время социальность понимается иначе, чем в период становления социальных наук. Речь сегодня идет не социальных законах, а о нелинейных процессах, которые описываются с использованием системного подхода и синергетики. Социальный техник опирается в данном случае на знания, полученные в ходе изучения социальности, на реконструкции конкретной истории социальности, социальные тренды современности. Автор ставит задачу охарактеризовать отношения между такими характеристиками социальности, как *экономика, государство, общество, власть, массы, культура*. Он показывает, что социальность можно представить как состоящую из трех сфер. В первой выделяются три основные подсистемы: государство, общество и экономика, причем конституирующим элементом здесь будет государство. Во второй (антропологической) сфере автор выделяет новоевропейскую личность, сообщества, массы, а также общество, но понимаемое уже в антропологическом плане. Личности и сообщества в антропологической сфере, как правило, функционируют в двух режимах – нормативном и паразитном (рентостроительство, использование социальных структур не по назначению и т. п.). В третьей сфере, охватывающей две другие, социальность рассматривается в популяционном контексте. Речь идет о том, что государство и общество не одно, их много, и они вступают в различные взаимоотношения (борьба за территорию и ресурсы, конкуренция, помощь друг другу, обмены разного рода и др.).

Выделяются и характеризуются основные процессы социальности: глобализация и модернизация, реализация социальных схем и концепций, процессы «пост» и «контр», процессы постановки и решения проблем («вызовы» и «ответы» на них). В последней части работы предлагается авторская реконструкция конкретной истории социальности, а также социальных трендов современности.

Ключевые слова: социальность, государство, общество, сообщества, экономика, тренды, развитие, трансформация, реконструкция, история.

Библиографическое описание для цитирования:

Розин В.М. Изучение социальности и проблема социального действия // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 2, ч. 1. – С. 11–28. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-11-28.

Первоначально социологи считали образцом для своей науки естествознание. «Рожденная в суровые времена, социология пыталась подражать естественным наукам в уровне сциентизма» [4, с. 344]. «Конт, – пишет Дж. Ритцер, – разработал *социальную физику*, или то, что в 1832 г. он назвал *социологией*. Применение термина *социальная физика* поясняет, что Конт стремился создать социологию по образцу точных наук. Предполагалось, что эта новая наука, которая, на его взгляд, должна была в конечном счете стать *единственной* главенствующей наукой, будет заниматься как социальной статикой (существующими социальными структурами), так и социальной динамикой (социальными изменениями). Хотя и то и другое включает поиски *законов* социальной жизни» [7, с. 27]. Соответственно социальность понималась категорически как «социальная природа», а социальное действие рассматривалось как «социально-инженерное».

В настоящее время трудно говорить и о социальной природе, и о социальной инженерии. Так, в замечательной книге «Хорошее общество» В.Г. Федотова характеризует социальное действие очень осторожно. «За что же, – спрашивает она, – может взять на себя ответственность ученый в области наук об обществе в XXI веке? Этот вопрос оказывается неожиданно сложным, так как ожидаемое от науки “расколдовывание мира” (М. Вебер) сегодня трудно осуществить: мир “расколдовался” в большей мере сам, обнажив свою упрощенную потребительскую, гедонистическую и эгоистическую сущность» [14, с. 10]. «Образ будущего (*речь идет о России. – В.Р.*) задан заранее, как и в предшествующих модернизациях. Ложный – стать Западом, истинный – в двух альтернативных вариантах: 1) нахождение источников развития при сохранении идентичности; 2) использование внутренних и внешних источников, медленная смена идентичности» [14, с. 491]. Это очень далеко от социальной инженерии, скорее похоже на рациональное действие, основанное на методе проб и ошибок, что не исключает исследования.

Тем не менее социологи не отказываются от сознательного улучшения социальной жизни. Как же они мыслят при этом вклад социологии? Рассмотрим для примера книгу «Глобальный капитализм: три великие трансформации» [15], где этот вопрос не прямо, но всё же подробно рассматривается. Если суммировать взгляды авторов этой книги (В. Федотовой, В. Колпакова, Н. Федотовой) на вклад социологии, то он примерно такой. Во-первых, в задачи социологов (социальных ученых и философов) вхо-

дит развенчание общепринятых, в том числе ложных научных мифов и мемов. Еще в первой книге В. Федотова писала: «Задача ученого состоит не только в производстве нового знания, доставляющего нам новые возможности, но и в разрушении фиктивных ожиданий обыденного сознания, сферы управления, политики. Эта очистительная и самоочистительная работа – неотъемлемая черта ответственности ученого, за которой только и следует задача поисков возможного» [14, с. 9–10] (см. также [16, с. 133]).

Во-вторых, социологическое изучение, как правило, позволяет наметить различия и отношения, характеризующие социальность. Обычно они оформляются, как и положено в науке, в форме идеальных объектов и понятий, но по своей функции за пределами науки это прежде всего «схемы», которые используются в социальных практиках. Схемы (не в обыденном понимании, а в терминах дисциплины, которую я предложил называть «схемологией») являются не просто текстом (нарративным или графическим), а структурой. Схемы позволяют разрешить «проблемную ситуацию» (т. е. это «ответ» на определенный «вызов»), задают «новую реальность» (в дальнейшем она может быть объективирована), позволяют понять происходящее и по-новому действовать; наконец, схемы принимаются или нет в ходе практического использования [8; 11, с. 33].

Например, схема московского метрополитена была создана как ответ на проблему упорядочивания пассажиропотоков, а также ориентации отдельного пассажира в метро. Она задает метрополитен как особую реальность перемещений, пересадок, входов и выходов, позволяет пассажиру понимать строение метро и практически действовать. Различия и отношения, введенные в книге «Глобальный капитализм...», это схемы, позволяющие управленцам, политологам разных уровней увидеть новую социальную реальность и нащупать в ее рамках новые, более эффективные решения многочисленных социальных проблем нашего времени. Но стоит отметить, что эти схемы прямо не указывают на эти решения, а лишь создают условия для их нахождения.

В-третьих, социология позволяет получить знания о конкретных социальных процессах, конкретном социальном порядке (структуре). Так, авторы «Глобального капитализма» описывают три основные трансформации, которые претерпел капитализм в своем развитии. «В отличие от Первой великой трансформации, – пишут В. Федотова, В. Колпаков, Н. Федотова, – сформировавшей капитализм и доведшей его до либеральной классической фазы, Вторая великая трансформация оборвала либеральный капитализм и перевела его в организованную форму. <...> Частью этой новой трансформации явились системная оппозиция первой глобализации как черте либерального капитализма. <...> Третья великая трансформация – 90-е годы XX – начало XXI века и ее будущее, как нам кажется, очень

длительное продолжение, первоначально характеризовались неомодернизмом, догоняющей модернизацией незападных стран, пытавшихся реализовать идеал либерального капитализма XIX века. Довольно быстро – за два десятилетия – третья трансформация свернула в сторону, более близкую ко Второй великой трансформации – антилиберальной фазе, обещающей новые повороты и бифуркации как в развитии капитализма, так и в протекании и понимании прогресса» [15, с. 17]. Кроме того, они рассматривают конкретные тенденции постсовременности – кризис идентичности и особенности Второй глобализации, новые концепты и реальности Третьей современности [15].

Отсюда напрашивается такой тип социального действия: расчистив свое сознание в результате критики собственных мифов, «социальный техник» (политик, властный субъект, практикующий социолог) сценирует социальное действие, опираясь на различия и отношения, характеризующие социальность, а также знания (реконструкции) конкретных социальных трансформаций, трендов, социальных структур.

Описание конкретных социальных трансформаций в работе «Глобальный капитализм», на мой взгляд, имеет один недостаток: неясно, что здесь целое, каким образом связаны выделенные авторами стороны и процессы, почему происходили указанные трансформации. Например, объясняя переход ко второй Великой трансформации, авторы пишут: «Во-первых, модернизация незападных стран, их попытка догнать Запад привели к трансляции туда западных экономических моделей. В результате экономика этих обществ отделялась от других сфер их жизни и превращалась из инструмента в доминирующий фактор. При трансляции западных моделей экономического развития в другие страны рынок в них и в целом в мире стал опережать социальное обустройство. <...> Во-вторых, среди многообразных факторов, повлиявших на трансформацию капитализма в новую для него фазу, особо выделим направленность на непрерывную инновацию товарного производства. Инновация стала целью и смыслом экономической деятельности. <...> В-третьих, ключевым фактором, повлекшим за собой ослабление органической солидарности, стало формирование массовой культуры. При этом массы людей были вытеснены из сферы производства в сферу стандартизированного потребления» [15, с. 230–231].

Объяснение (кроме последнего фактора), как мы видим, дается в рамках экономического дискурса; вероятно, сказалась привычка к марксистскому мышлению. Но так ли это на самом деле, и что значит в данном случае экономика? Выше сами авторы цитируют К. Поланьи, который говорит, что за экономикой стоят социальные отношения, а не наоборот, если следовать марксистскому учению. «Поланьи утверждает, – пишут В. Федотова, В. Колпаков, Н. Федотова, – что ...экономическая деятельность человека,

как правило, полностью подчинена общей системе его социальных связей... экономическая система приводится в действие неэкономическими мотивами... “экономические мотивы” порождаются общим контекстом социальной жизни... экономическая система является, в сущности, лишь простой функцией социальной организации» [15, с. 137].

Подобные же вопросы возникают и во многих других местах работы. Напрашивается непростая задача – охарактеризовать отношения между выделенными характеристиками (подсистемами и составляющими) социальности, такими, например, как *экономика, государство, общество, власть, массы, культура*, и другими. Авторы «Глобального капитализма» могли бы сказать, что эти характеристики социальности и отношения ими заданы и ясны из материала и рассуждений. Но мне кажется, что они предполагают рефлексивность и должны быть положены явно в определенных схемах. При этом, конечно, будет происходить сдвиг представлений о социальности, поскольку рефлексивность будет принадлежать автору этих строк.

В статье «Становление, развитие и завершение новоевропейской социальности (продумывая книгу В. Федотовой, В. Колпакова, Н. Федотовой «Глобальный капитализм: три великие трансформации»)» я высказал и постарался обосновать предположение, что структура новоевропейской социальности состоит из двух сфер. Первая включает в себя две основные составляющие – *государство* и *общество*. Вторую сферу можно назвать антропологической: здесь можно выделить *личности, сообщества, массы, наконец общество*, но понимаемое уже в антропологическом плане (большое сообщество, осознаваемое, например, как нация, народ и пр.). В обеих сферах перечисленные реальности (целостности) задаются на основе схем, которые более привычно трактуются как концепции (например, концепции государства и общества, концепции нации или народа) [12]. А.П. Огурцов различает схемы и концепты следующим образом: для концепции «главенствующие тип и функции – быть выражением авторской инновации, для схемы – быть первым шагом в ее переходе к признанию микросообществом и научным сообществом» [6, с. 54–55]. Но у схемы, как отмечалось выше, есть и другие функции.

Помимо государства и общества в первую сферу имеет смысл включить экономику, которая тоже задается концептуально. Определим теперь основные функции указанных целостностей, имея в виду задачу охарактеризовать европейскую (западную) социальность. Государство концептуально истолковывается как властная инстанция, в рамках которой чиновники – это служащие, обязанные выполнять указы общества. При этом право и законы истолковываются в качестве приводных ремней между государством и обществом, а также отдельными гражданами. С их помощью свобода граждан вводится в русло общих социальных требований и норм.

Первоначально к функциям государства относились сбор налогов, завоевания и защита от врагов, поддержание внутреннего порядка. В дальнейшем государство часто начинает определять все стороны жизнедеятельности общества и отдельных граждан [4].

Общество рассматривается как соразмерная государству сила. Его назначение, с одной стороны, – контроль за государством, склонным распространять свою власть на общество и человека, лишая их свободы, с другой – целепологание и смыслополагание, т. е. выбор направления развития и смысла жизни.

Впоследствии общество и государство берут на себя решение задач, которые традиционно относились к политической философии: *улучшение жизни человека и самого общества*. Подобная установка, как я показываю, задает одну из характерных особенностей европейской социальности. Другие особенности – рефлексия и оценка социальности, анализ массового поведения и социального порядка, культурно-исторический подход, признание вклада в социальность новоевропейской личности, трактовка социальности как формы социальной жизни, наконец, истолкование социальности в логике «завершения и становления». В настоящее время завершается социальность модерна и одновременно складывается новый тип социальности (его черты просматриваются в анализе трендов социальной трансформации) [11, с. 42–55].

Функция экономики, включающей хозяйственную деятельность (производство и потребление) и семиотический слой расчетов, концепций и проектов, – создание условий для *эффективного развивающегося хозяйства*, дающего максимальную прибыль [9]. С точки зрения ряда исследователей, экономика стала складываться под влиянием государства, которому потребовалось именно эффективно развивающееся хозяйство [9]. Поскольку с капитализмом связывают безостановочное накопление капитала, капиталистическая экономика параллельно создает возможность для проникновения капитала во власть (слияния государственной власти и бизнеса).

Личности и сообщества в антропологической сфере, как правило, функционируют в двух режимах. Первый режим можно назвать «нормативным». Здесь человек в целом выполняет роли, заданные в соответствующих концепциях. Например, чиновник или правительство в своей деятельности добросовестно выполняют институциональные предписания своей профессии и назначения. Второй режим, если можно так сказать, «паразитный» (рентостроительство, использование социальных структур не по назначению, например для реализации собственной личности, и прочее). Паразитный он не в плане морали, а потому, что социальная природа допускает подобное использование. Скажем, общество поручило

полководцу защите Отечества и для этого наделило его обширными властными полномочиями. В результате он может поставить общество под свой контроль, чем и воспользовался. Можно, конечно, сказать, что он поступает безнравственно, нарушает общественный договор. Но можно интерпретировать его поступок иначе: сложилась ситуация, допускающая возможность подчинить общество интересам личности, и личность не упустила эту возможность. «Социальным телом» ситуации является армия и расширенные властные полномочия.

В отличие от личности и сообществ, часто осознающих себя самостоятельными субъектами, массы не способны захватывать социальные структуры и обеспечивать функционирование государства. Но массами можно управлять, обеспечивая их «хлебом и зрелищами». Общество в антропологической сфере чаще всего аморфно и расколото, но, если консолидируется как целостный социальный субъект, может контролировать и направлять государство.

В третьей сфере, охватывающей две другие, социальность рассматривается в популяционном контексте. Речь идет о том, что государств и обществ много, и они вступают в различные взаимоотношения (борьба за территорию и ресурсы, конкуренция, помощь друг другу, обмены разного рода и др.). Популяционный характер государства и общества отражен в интересной концепции мир-системного анализа Эммануила Валлерстайна [3]. Он показывает, что понятие социальность невозможно вне популяционного контекста, не учитывая ее системный характер. Другое дело, что, на мой взгляд, системный подход здесь недостаточен. Например, на развитие государства и общества, безусловно, влияют борьба за территорию и ресурсы, конкуренция, международные союзы и торговля, но эти взаимодействия трудно описать на языке мир-системного анализа.

Взаимоотношения между государствами и обществами, находящимися на разных уровнях развития, определяются не только борьбой за территорию и ресурсы, конкуренцией, помощью друг другу, обменами разного рода, но также иерархическим единством территории (государство, регион, планета в целом). О территории здесь говорится не в традиционном географическом смысле, а расширительно, поскольку в настоящее время территорию формирует также Интернет, мобильная и транспортная связь. Так понятая территория создает условия для двух основных типов взаимодействия государств и обществ – *модернизации* и *глобализации*. В первом случае менее развитые и успешные государства и общества рассматривают более развитые и успешные как «зону ближайшего социального развития». Во втором – более развитые и успешные государства и общества распространяют свое влияние и достижения на другие, находящиеся на данной территории: *«глобализацией можно называть как все признаки единства челове-*

ства, так и экономический процесс свободной торговли и обмена XIX века, и совершенно новое явление той же природы последних двадцати лет» [15, с. 116–117].

Процессы глобализации и модернизации – не единственные. В социальности имеют место по меньшей мере еще три типа процессов: *процессы реализации социальных схем и концепции, процессы «пост» и «контр»*, т. е. ориентации на предыдущие и привлекательные состояния социальности («пост», «возрождения»), и наоборот: критики и отрицания предыдущих и каких-то других состояний («контр»), наконец, *процессы постановки и решения проблем («вызовы» и «ответы» на них).*

Первый тип процессов можно проиллюстрировать на примере концепции государства. Первоначально были построены две разные концепции – «Левиафана» (Гоббса) и «Общества» (Локка и Монтескье). Первая предполагала полный контроль государства над гражданами, обществом и экономикой, вторая – контроль гражданского общества над государством. Как писал Мартин ван Кревельд по поводу второй концепции, «не вызвала у него сомнений и разница между гражданским обществом и государством. Локк провозгласил: первое не только предшествует второму, но в действительности государство было создано гражданским обществом, чтобы защитить себя как от нарушения внутреннего мира, так и от внешних вторжений» [4, с. 145].

Но концепции – это только схемы и установки на их реализацию. Если в то время государство и существовало, то только в форме замысла и виртуальной реальности. Вторым этапом – разворачивание схем и социальных практик, обеспечивающих процесс их реализации. Например, стремление собирать больше налогов привело к развитию картографии и уточнению границ государства. «Как только проблема определения границ государств и измерения их территорий была более или менее решена, следующей задачей стало выяснение того, какие ресурсы, человеческие и материальные, были доступны правителям *в пределах* каждого государства» [4, с. 11]. Создается статистика, проводятся первые переписи населения, на их основе упорядочивается налогообложение. «Каждое европейское, а впоследствии – и любое другое, государство после 1789 г. хотело быть уверенным, что повседневная деятельность населения находится под его контролем и, насколько это возможно, служит целям этого самого государства. Важнейшим средством достижения этого стали полиция и тюремный аппарат, системы образования и социального обеспечения» [4, с. 165–166]. Параллельно государство создает министерства, способствующие развитию торговли и промышленности.

На третьем этапе в результате этих усилий складывается государство уже как реальный социальный феномен. Реализация концепций Левиафана способствовала формированию авторитарных и тоталитарных госу-

дарств, а концепций Локка и Монтескье – государств либерально-демократических типа Канады, США, послевоенных Франции, Германии, Италии. Начинаются процессы развития государства и его изучения.

Пример описания процессов «пост» и «контр» можно увидеть в работе «Глобальный капитализм», в которой авторы анализируют модернизацию. «Модернизационные теории погубило не наличие научных альтернатив, а их неспособность ответить на экзистенциальный вызов тех слоев, которые труднее всего адаптировались к процессу радикальных изменений. Это были и новые коллективные социальные движения: крестьянские волнения, движения черных и чиканос, восстания возмущенных народов, движение молодежи, студенческие волнения, выступления женщин и др. Тем не менее послевоенные социальные теории содержали следующие настроения:

- 1) модернизационная теория – романтический либерализм («пост». – В.Р.);
- 2) антимодернизационная теория – героический радикализм («контр». – В.Р.);
- 3) постмодернистская теория – комическое отчуждение;
- 4) появление фазы неомодернизации – пересмотренная теория конвергенции и снова романтический либерализм («пост». – В.Р.) [15, с. 290].

Но если авторы «Глобального капитализма» используют этот прием всего лишь как один из методов, то В.А. Беляев положил его в основание своей методологии. Достаточно указать на заголовки двух его книг: «Конструируем модерн: Посткультурный и интеркультурный аспекты. Проектно-системный подход» и «Самосознание модерна: Между контр-модерном и пост-модерном» [1, 2]. В аннотации ко второй книге Беляев пишет, что «представленную в этой книге концепцию модерна и его самосознания можно считать ответом, с одной стороны, на вызов контр-модернистского стремления преодолеть модерн, а с другой стороны, на вызов постмодернистского предельно негативного варианта самокритики модерна» [2]. Как мы видим, еще один метод, положенный им в основание методологии, – это анализ вызовов и ответов. Но я обычно пишу не о вызовах и ответах на них, а о проблемах и их решениях, что, думаю, практически одно и то же.

Национализм становится важной направляющей и фактором развития европейских государств со второй половины XVIII в. М. Кревельд пишет: «Государство, тесно связанное с падением средневекового мира и последующими гражданскими и религиозными войнами, изначально задумывалось, прежде всего, в качестве инструмента для установления правопорядка в отношениях людей и групп между собой. Однако спустя примерно полтора века с момента своего рождения оно встретило с пламенеющим на-

ционализмом и стало присваивать его, придавая себе тем самым этическое содержание» [4, с. 331].

Влияние националистических идей было многообразным: они способствовали не только укреплению государства, особенно в военном отношении, но и развитию экономики. Например, Л. Гринфельд пишет, что книгу Адама Смита «Богатство народов», можно перевести и как «Богатство наций» и считать годом рождения современной капиталистической английской экономики. Экономический протекционизм, считает она, возник в Англии сначала как национализм как таковой. Затем «национальное английское сознание в период экономической интеграции и развития международной торговли стало основой международной конкуренции» [15, с. 191].

Идеи национального государства включают в себя концепции единой территории, языка, общей исторической судьбы народа. За этими концепциями стоят интересы определенных сообществ, но вряд ли интересы общества в целом. Нации, считает Гринфельд, создаются «интеллектуалами и интеллектуалами-профессионалами, другие же социальные группы в этом процессе занимают в основном пассивную роль» [15, с. 190]. Р. Добровенский, обсуждая формирование латвийской нации, показывает, что если территориальное единство и язык в первой половине XX в. в Латвии уже сложились, причем литературный язык был создан усилиями таких интеллектуалов, как поэты Райнис и Аспазия, то другие, не менее необходимые – государство и общество, или вообще отсутствовали, или только складывались. Поэтому-то формирование латышской нации произошло так поздно [10].

Итак, на развитие государства, начиная со второй половины XVIII в., начинают существенно влиять, определяя его институты и важные стороны жизни населения, идеи и концепции национализма. Но примерно такую же роль сыграли и другие концепции типа *построения социализма, создания государства всеобщего благосостояния, расширения жизненного пространства*. Причем многие из этих концепций удалось реализовать. Правда, как правило, большинство ожиданий не оправдалось, что, впрочем, стало понятно задним числом и не тем социальным субъектам, кто эти концепции реализовал.

Не получается ли в этом случае, что государство (и связанная с ним европейская социальность) – не только органическое, естественное образование, но и искусственная, созданная людьми конструкция, причем нередко она основывается на таких идеях и концепциях, которые губительны и для государства, и для общества? Почему же, спрашивается, общество не притормозило, не изменило кардинально направление развития? А потому, что государство, считают и М. Кревельд и З. Бауман, подчинило себе и

общество, и отдельного человека. Кроме того, сообщества или отдельные личности, получившие в государстве абсолютную власть, оказались привержены таким схемам и концепциям, которые поддерживали их власть, делая ее несменяемой, но разрушали социальную жизнь и общество.

Мы рассмотрели не все структуры и отношения западной социальности. Они во многом определили ее развитие и трансформацию вплоть до нашего времени. Однако охарактеризовать эти процессы, зная только строение социальности, невозможно; эти процессы нелинейны, они обусловлены не *законами* в стиле законы первой природы, а *закономерностями*, которые лучше описывает системный подход и синергетика. Неплохой пример подобного подхода – концепция «саморазвивающихся систем с синергетическими эффектами» недавно ушедшего от нас академика В.С. Степина. В ней, в частности, показано, что в точках бифуркации невозможно однозначно сказать, куда пойдет развитие (направление трансформации). В социальных системах это направление часто определяет именно деятельность человека.

Поэтому для более эффективного социального действия, помимо знания того, как устроена социальность, необходимо еще знание конкретной истории развития (трансформации) социальности. В работе «Глобальный капитализм: три великие трансформации», на мой взгляд, решались обе эти задачи. В статье [12] с опорой на исследование этих авторов я предложил свой вариант трактовки истории новоевропейской социальности. При этом я различаю предпосылки социальности, ее становление и четыре этапа развития (трансформации), включая этап «завершения европейской социальности», относящийся к нашему времени.

Предпосылками западной социальности выступали следующие социальные процессы: формирование в эпоху Возрождения европейской личности, уход со сцены сословного общества и формирование сообществ граждан, равных в своих правах, смена «смысла (картины) культур» (средневековая религиозная картина заменяется рациональной картиной, в соответствии с которой смысл жизни человека сводится к овладению природой, которое сделает человека могущественным, богатым и счастливым), быстро развивающиеся в этот период хозяйственная деятельность вместе с рынком, наконец, процессы европейской реформации [12].

В становлении я различал три основных этапа. На первом монархи в поисках денег, необходимых им для ведения войн и достойного уровня жизни, стараются собрать со своих подданных как можно больше и для этой цели назначают доверенных лиц для сбора налогов. При этом они передают им часть своих властных прерогатив. На втором этапе эту функцию начинают выполнять не приближенные короля, а назначенные им чиновники, которые постепенно накладывают руки на торговлю и про-

изводство, а позднее и разные стороны жизни граждан. На третьем этапе передача чиновникам властных прерогатив монарха постепенно лишает его реальной власти, но зато встает проблема легитимности самих чиновников. Она разрешается способом конструирования и введения новой реальности: с одной стороны, государства, которое объявляется верховной инстанцией власти, с другой – общества как силы, соразмерной с государством. Формирование последнего способствует развитию экономики, науки и промышленности, национального государства.

Первый этап развития европейской социальности – строительство либерально-демократического государства (главенствование общества). Переход ко второму этапу (это две мировые войны) был связан с усугубляющимся неравенством (богатые и бедные), борьбой социалистических партий и стран против капитализма, доминированием националистических концепций государства, переходом власти к сообществам, вдохновленным националистическими или социалистическими концепциями. Война позволила властным сообществам не только мобилизовать граждан на борьбу с врагами (одновременно лишив их значительной части свободы), но и, что не менее важно, временно или надолго *подчинить общество государству* (авторы «Глобального капитализма» называют вторую трансформацию «организованной современностью»).

Для третьего этапа развития европейской социальности (после Второй мировой войны и примерно до конца XX в.) характерны не только борьба двух мировых лагерей и экспансия капитализма на Восток, в страны Африки и Латинской Америки, но и попытка развитых капиталистических государств создать *общество благосостояния*. Однако развитие социальности в этом направлении привело к резкому увеличению бюрократии и нарушило экономический баланс. В результате общество начинает выступать против сложившейся практики, отчасти возвращаясь к предыдущему классическому этапу развития капитализма.

Четвертый этап развития европейской социальности можно квалифицировать как «завершение новоевропейской социальности». К нему можно отнести также незавершенные процессы становления новой социальности. Как правило, такие процессы связаны с *трендами социальных изменений*. Завершение новоевропейской социальности идет по двум линиям: трансформируется и теряет доминирование государство, меняется, и существенно, общество. Кревельд указывает на следующие причины трансформации современного государства: «отмирание большой войны», «отступление государства всеобщего благосостояния», «технологии становятся международными», «угроза внутреннему порядку», «утрата веры в государство» [4, с. 269–331]. Можно назвать еще две причины: использование государственных структур не по назначению (государство захватывают

пассионарные сообщества, преследующие собственные цели, чиновники занимаются рентостроительством) и кризис идентичности, разрушающий личность и общество.

Еще один тренд – трансформация видения культурной реальности. Представления о первой природе и культуре постепенно уходят на второй план, а на первый выходит образ *коллективного творчества и деятельности человека*, направленного на преобразование и трансформацию природы (отсюда, например, идея «техноприродь») и культуры. Человек постепенно осознает, что именно его активность – причина и достижений, и угрожающих кризисов (экологического, социального, культурного), что только самоорганизация и самоограничение могут помочь в их разрешении.

В социальном отношении не менее важный тренд – конвергенция социализма и капитализма. Действительно, большинство стран движется к конвергентному (гибридному) социализму-капитализму. Опыт показывает, что ничего лучше рынка, конкуренции и частной собственности пока не придумано. Поэтому и те страны, которые принимают социалистические сценарии и программы, основывают свое производство, хозяйство и экономику на указанных трех капиталистических китах. С другой стороны, в капиталистических странах, да и вообще в мировом сообществе в лице транснациональных институтов (ООН, ЮНЕСКО и др.), нарастают процессы перераспределения национального продукта (от работающих и успешных в конкурентном отношении к неработающим и менее успешным, от развитых стран – к развивающимся, и т. п.). Налицо капиталистическое хозяйство и социалистическое централизованное перераспределение, о чем еще в начале 1940-х гг. писал Й. Шумпетер [17].

Следующий тренд – становление новой системы ценностей, права и общественной морали. Провозглашаемый в настоящее время принцип, что каждый человек, безотносительно к тому, что он делает и как работает, имеет право на достойный уровень жизни (на нем, как известно, основывается помощь беженцам, бедным и безработным), по сути, принадлежит новой социальной этике. Но впереди маячат и еще более радикальные принципы, например, «человек может достойно жить, не работая вообще», или «богатые и работающие обязаны делиться с другими плодами своего труда», или «справедливо не то, что соответствует вкладу человека или гуманистическим идеалам, а балансу, установленному в борьбе заинтересованных субъектов», и пр.

Не ясно, окажут ли на новую социальность серьезное влияние проблемы сохранения жизни на Земле. Разрушение жизни человека и биосферы в настоящее время идет с большой скоростью, а усилия по их поддержанию и возобновлению несравнимы с теми, которые необходимы. По идее, одной из центральных задач ближайшего будущего должна была бы стать

именно задача сохранения жизни на Земле, что, конечно, потребовало бы от человечества ограничений и кардинального пересмотра ценностей своей жизни. Однако мы видим, что пока все усилия интеллектуальной элиты человечества убедить в этом правителей и население нашей планеты не приносят должных результатов. Уж очень люди эгоистичны, находятся на разных уровнях развития, не осознают серьезности нависшей над ними катастрофы. С большой долей вероятности можно предположить, что в перспективе нас ожидает серия техногенных и социальных катастроф. И если человечество их переживет, то оно в культуре, идущей следом, всё же будет вынуждено заняться решением своей главной задачи.

Вернемся теперь еще раз к проблеме социального действия. Оно, конечно, должно опираться на социальное изучение. Результатом его, однако, являются не социальные законы, а, как мы старались показать, характеристики и закономерности социальности, знание конкретной истории социальности, социальные тренды современности. На их основе, а также с опорой на опыт уже могут быть построены схемы, позволяющие эффективно действовать (см. [13]).

Литература

1. *Беляев В.А.* Самосознание модерна: между контр-модерном и пост-модерном. – М.: Ленанд, 2016. – 248 с.
2. *Беляев В.А.* Конструируем модерн: посткультурный и интеркультурный аспекты, проектно-системный подход. – М.: Ленанд, 2015. – 400 с.
3. *Валлерстайн П.* Миросистемный анализ // *Время мира*. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – Вып. 1. – С. 105–123.
4. *Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
5. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. – М.: Высшая школа экономики, 2014. – 384 с.
6. *Огуцов А.П.* Генетическая методология и переход от индивидуальной инновации к ее общезначимости // *Методология науки и антропология*. – М., 2012. – С. 11–58.
7. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
8. *Розин В.М.* Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: Либроком, 2011. – 256 с.
9. *Розин В.М.* Становление экономики в Европе XVIII столетия как осознанной научной реальности и дисциплины // *Философия науки и техники*. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 81–95.
10. *Розин В.М.* Подвиг и «грехопадение» Яниса Райниса (размышления, навеянные чтением романа Р. Добровенского «Райнис и его братья» и книги Й. Шумпетера «Капитализм, социализм и демократия») // *Культура и искусство*. – 2018. – № 11. – С. 49–59.

11. *Розин В.М.* Становление и развитие европейской социальности: Этноды-исследования. Кн. 1. Древний мир и Средние века. – М.: Ленанд, 2019. – 182 с.
12. *Розин В.М.* Становление, развитие и завершение новоевропейской социальности (продумывая книгу В. Федотовой, В. Колпакова, Н. Федотовой «Глобальный капитализм: три великие трансформации») // Культура и искусство. – 2020. – № 4. – С. 29–43. – DOI: 10.7256/2454-0625.2020.4.32138.
13. *Розин В.М.* Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. – М.: ИФРАН, 2008. – 267 с.
14. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
15. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
16. *Федотова В.Г.* Анархия и порядок. – М.: URSS, 2000. – 144 с.
17. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – 540 с.

Статья поступила в редакцию 20.02.2020.

Статья прошла рецензирование 04.03.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-11-28

STUDY OF SOCIALITY AND THE PROBLEM OF SOCIAL ACTION

Rozin Vadim,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Chief Researcher,

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,

12, bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4025-2734

rozinvm@gmail.com

Abstract

The article raises the question of the relationship of social study and social action. It is noted that at present, sociality is understood differently than during the formation of social sciences. This is not about social laws, but about non-linear processes that are described using a systematic approach and synergetics. In this case, a social technician relies on knowledge gained in the course of studying sociality, reconstructing a specific history of sociality, and social trends of today. The author sets the task to characterize the relationship between social characteristics identified by social researchers, such as economics, state, society, power, masses, culture. He shows that sociality can be represented as consisting of three areas. The first distinguishes three main subsystems: the state, society and the economy, and the state was the constituent element. In the second anthropological sphere, the author identifies a new European personality, communities, masses, society, understood no longer as in the first sphere, but in anthropological terms. Individuals and communities in the anthropological sphere, as a rule, operate in two modes - normative and parasitic (rent-building, the use of social structures for other purposes). In the third area, encompassing the other two, sociality is seen as a popular phenomenon. The point is that the state and society are not one, there are many of them, and they enter into various difficult relationships (struggle for territory and resources, competition, helping each other, exchanges of various kinds, etc.). The main processes of sociality are distinguished and characterized: globalization and modernization, the implementation of social schemes and concepts, the processes of "post" and "counter", the process of setting and solving problems ("challenges" and "answers" to them). In the last part of the work, the author's version of the reconstruction of a concrete history of sociality, as well as social trends of the present, is proposed.

Keywords: sociality, state, society, communities, economy, trends, development, transformation, reconstruction, history.

Bibliographic description for citation:

Rozin V. Study of Sociality and the Problem of Social Action. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 2, pt. 1, pp. 11–28. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.2.1-11-28.

References

1. Belyaev V.A. *Samosoznanie moderna: mezhdru kontr-modernom i post-modernom* [Modern Self-Identity: Between Counter-Modern and Post-Modern]. Moscow, Lenand Publ., 2016. 248 p.
2. Belyaev V.A. *Konstruiruem modern: postkul'turnyi i interkul'turnyi aspekty, proektno-sistemnyi podkhod* [Designing Art Nouveau: Postcultural and Intercultural Aspects. Design and System Approach]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 400 p.
3. Wallerstein I. World-Systems Analysis. *Vremya mira* [World Time]. Novosibirsk, NSU Publ., 2000, vol. 1, pp. 105–123. (In Russian).
4. Crevel'd M. van. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999 (Russ. ed.: Kreveld M. *Rastsvet i upadok gosudarstva*. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 544 p.).
5. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford University Press, 2005 (Russ. ed.: Latur B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2014. 384 p.).
6. Ogurtsov A.P. Geneticheskaya metodologiya i perekhod ot individual'noi innovatsii k ee obshchезnachimosti [Genetic Methodology and the Transition from Individual Innovation to Its General Significance]. *Metodologiya nauki i antropologiya* [Methodology of Science and Anthropology]. Moscow, 2012, pp. 11–58.
7. Ritzer G. *Modern Sociological Theory*. 5th ed. Boston, McGraw-Hill, 2000 (Russ. ed.: Rittser Dzh. *Sovremennyye sotsiologicheskie teorii*. 5th ed. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 688 p.).
8. Rozin V.M. *Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii* [Introduction to Schematics: Schemas in Philosophy, Culture, Science, Design]. Moscow, Librocom Publ., 2011. 256 p.
9. Rozin V.M. Stanovlenie ekonomiki v Evrope XVIII stoletiya kak osoznannoi nauchnoi real'nosti i distsipliny [The Formation of the Economy in Europe of the 18th Century as a Perceived Scientific Reality and Discipline]. *Filosofiya nauki i tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 81–95.
10. Rozin V.M. Podvig i "grekhopadenie" Yanisa Rainisa (razmyshleniya, naveyanye chteniem romana R. Dobrovenskogo "Rainis i ego brat'ya" i knigi I. Shumpetera "Kapitalizm, sotsializm i demokratiya") [The Feat and "Fall" of Janis Rainis (Thoughts Inspired by Reading the Novel by R. Dobrovensky "Rainis and His Brothers" and the Book of J. Schumpeter "Capitalism, Socialism and Democracy")]. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2018, no. 11, pp. 49–59.
11. Rozin V.M. *Stanovlenie i razvitiye evropeiskoi sotsial'nosti: Etyudy-issledovaniya*. Kn. 1. *Drevnii mir i Srednie veka* [The Formation and Development of European Sociality: Studies-Studies. Prince 1. The Ancient World and the Middle Ages]. Moscow, Lenand Publ., 2019. 182 p.

12. Rozin V.M. Stanovlenie, razvitie i zavershenie novoevropeskoi sotsial'nosti (produmyvaya knigu V. Fedotovoi, V. Kolpakova, N. Fedotovoi "Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii") [Formation, Development and Completion of a New European Sociality (Thinking Through the Book by V. Fedotova, V. Kolpakova, N. Fedotova "Global Capitalism: Three Great Transformations")]. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and Art*, 2020, no. 2, pp. 29–43. DOI: 10.7256/2454-0625.2020.4.32138.
13. Rozin V.M. *Sotsial'noe proektirovanie v epokhu kul'turnykh transformatsii* [Social design in the Era of Cultural Transformations]. Moscow, IFRAN Publ., 2008. 267 p.
14. Fedotova V.G. *Khoroshee obshchestvo* [Good Society]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2005. 544 p.
15. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii* [Global Capitalism: Three Great Transformations]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2008. 608 p.
16. Fedotova V.G. *Anarkhiya i poryadok* [Anarchy and Order]. Moscow, URSS Publ., 2000. 144 p.
17. Schumpeter J. *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1995. 540 p. (In Russian).